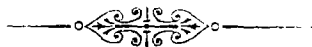

Орлов А. П. С. И. Смирнов: (З. IX. 1870 – 4. VI. 1916) / С портр. и автографом С. И. Смирнова [Некролог] // Богословский вестник 1916. Т. 2. № 9. С. 1–23 (1-я пагин.).

ПРОФЕССОРЪ
СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ
СМИРНОВЪ.

(† 4 июля 1916 года).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1916.

Гр. С. Смирновъ

С. И. Смирновъ.

(8-го сент. 1870 г. † 4 июля 1916 г.).

4-го июля сего года Московская Духовная Академія понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося ординарнаго профессора ея по кафедрѣ исторіи русской церкви, Сергѣя Ивановича Смирнова.

Покойный родился 8-го сентября 1870 г. въ селѣ Большая Брембола, Владимірской губ., Переяславскаго уѣзда, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Переяславля-Залѣскаго ¹⁾. Родитель Сергѣя Ив. о. Іоаннъ Сергѣевичъ Смирновъ († 1900 г.) въ теченіе 33-хъ лѣтъ (съ 1867 г.) служилъ въ этомъ селѣ священникомъ. Кромѣ покойнаго, въ его семействѣ было еще три сына и три дочери, изъ которыхъ два брата и всѣ сестры были моложе С. И—ча. Отличительною чертою въ характерѣ о. Іоанна была его незаурядная для сельскаго священника любовь къ книгамъ и къ кабинетнымъ занятіямъ, соединявшаяся съ почти совершеннымъ равнодушіемъ къ хозяйственно-практическимъ вопросамъ жизни. Онъ большую часть своего времени проводилъ въ чтеніи книгъ, собравши у себя довольно значительную бібліотеку преимущественно святоотеческаго и проповѣдническаго содержанія, много занимался составленіемъ поученій, съ любовью велъ церковную лѣтписъ своего прихода, и даже помѣстилъ во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (за 1878 г.) археологическую замѣтку: „Надпись на кадилѣ въ ц. с. Большая Брембола въ Переяславскомъ у.“. Главная тяжесть по веденію хозяйства

¹⁾ Историко-археологическія и этнографическія свѣдѣнія объ этомъ селѣ даны старшимъ братомъ С. И. — Михаиломъ Ивановичемъ Смирновымъ въ „Трудахъ Владимірской Архивной Ученой Комиссіи“ за 1908 г.: „Село Большая Брембола“ (1—109 стр.).

и воспитавію дѣтей лежала на его супругѣ Анастасіи Васильевнѣ (урожденной Загорскоі). Это была женщина очень умная и энергичная, умѣло правившая не только своимъ домомъ, но отчасти и приходомъ, имѣвшая громадное вліяніе на своихъ дѣтей, и всю свою долгую жизнь († 1914 г. въ Сергіевскомъ посадѣ) пользовавшаяся съ ихъ стороны исключительнымъ уваженіемъ. Всячески изворачиваясь, она сумѣла при всей скудости средствъ сельскаго священника вывести въ люди всѣхъ своихъ дѣтей: всѣ сыновья ея получили высшее образованіе, а дочери обучались въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и были устроены замужъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ С. Ив. былъ флегматичнымъ и мало-подвижнымъ ребенкомъ, — черты перешедшія къ нему отъ отца. Хотя эти черты съ годами значительно сгладились въ немъ, такъ что въ отрочествѣ и юности, въ близкомъ кругу своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, онъ былъ и бойкимъ рассказчикомъ и смѣхотворцемъ, но въ мало знакомомъ обществѣ обыкновенно замолкалъ, дичился, уходилъ въ себя. Слѣды такого прирожденнаго характера оставались въ С. И. и до конца его жизни. Выучившись грамотѣ весьма рано, онъ очень полюбилъ книги, но такъ какъ дѣтскихъ книгъ въ домѣ почти не было, то ему нерѣдко приходилось перечитывать свои, купленные матерью на ярмаркѣ, букварь, несмотря на то, что почти всѣ страницы его были извѣстны ему наизусть. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ живыхъ воспоминаній объ этой своей неудовлетворенной жаднѣ книгъ въ дѣтствѣ, самъ С. И. впоследствии очень любилъ дарить дѣтямъ книги и умѣлъ выбирать ихъ со вкусомъ.

Въ 1880 г. С. И. былъ отданъ въ приготовительный классъ Переяславскаго духовнаго училища. Въ теченіе всего времени обученія въ этомъ училищѣ онъ жилъ на квартирѣ со своимъ старшимъ братомъ и группой товарищей. На первыхъ порахъ своей училищной жизни С. И., можетъ быть, вслѣдствіе недостаточной домашней подготовки, не отличался блестящими успѣхами, но уже къ половинѣ училищнаго курса занялъ первое мѣсто среди своихъ сотоварищей, удержавъ это мѣсто и при переходѣ въ семинарію. Громадное вліяніе на С. И. въ этотъ періодъ его жизни имѣлъ дядя

его по матери, Михаилъ Васильевичъ Загорскій (нынѣ еп. Муромскій Митрофанъ), состоявшій тогда учителемъ греческаго языка и церковнаго пѣнія въ Переяславскомъ дух. училищѣ, и жившій вблизи отъ того дома, гдѣ квартировалъ С. И. Самъ въ высшей степени трудолюбивый и исполнительный по службѣ, зорко слѣдившій за воспитаніемъ и учебными занятіями своихъ дѣтей, онъ не опускалъ изъ виду и своего племянника, внимательно наблюдая за его поведеніемъ и успѣхами въ училищѣ, и ежедневно выслушивая задававшіеся ему уроки: ему то С. И., несомнѣнно, много обязанъ той привычкою къ строгой добросовѣстности и методичности въ своихъ учебно-научныхъ занятіяхъ, которой онъ впоследствии изумлялъ своихъ товарищей и по семинаріи и по академіи. Вліяніе этого же дяди на С. И. можетъ быть, имѣло и болѣе спеціальныя черты. М. В. Загорскій въ то время усердно занимался изысканіями въ области мѣстной церковной исторіи, приводя въ порядокъ и извѣстность старинныя архивы бывшей Переяславской духовной консисторіи и духовнаго правленія¹⁾. Къ посильному участию въ этихъ своихъ архивныхъ занятіяхъ Мих. Вас. привлекъ и своего любознательнаго племянника, котораго, по словамъ преосвящ. Митрофана, такимъ путемъ уже въ то время пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ обращаться со старинными рукописями и „дѣлами“. Можетъ быть, среди такихъ занятій, въ роли ученаго сотрудника своего дяди, уже въ эту пору зародился въ С. И. тотъ интересъ къ изученію родной старины, и вообще къ исторической наукѣ, который во всякомъ случаѣ сказался въ немъ рано, опредѣлившись вполне ярко еще на семинарской и студенческой скамьѣ.

Среднее образованіе С. И. получилъ въ Виѣанской духовной семинаріи.

Талантливый, трудолюбивый и скромный юноша, онъ втеченіе всѣхъ лѣтъ обученія въ ней занималъ первыя по успѣхамъ мѣста въ своемъ классѣ. Изъ своихъ семинарскихъ

¹⁾ Плодами этихъ научно-архивныхъ занятій М. В. Загорскаго были его статьи: „Описаніе и разборъ дѣлъ Переяславскаго Духовнаго Правленія“ (Труды Владим. Архивн. Ученой Комиссіи. Кн. 3 и 4) и „Закрытіе Переяслав. епархіи въ 1788 г.“ (Владимірскія Епарх. Вѣдом. 1891, №№ 21 и 23).

наставниковъ онъ съ особенною любовію вспоминалъ въ послѣдствіи о Н. П. Добронравовѣ, преподававшемъ богословскія науки.

Окончивъ семинарскій курсъ весною 1891 г., С. И. осенью того же года держалъ пріемные экзамены въ Московскую духовную академію въ качествѣ волонтера ¹⁾. Эти экзамены не были для него вполнѣ удачными: въ общемъ списокѣ 70 воспитанниковъ, державшихъ вступительные экзамены въ академіи изъ которыхъ поступили въ нее 59, его фамилія значится лишь подъ 20-мъ номеромъ. Но поступивъ въ академію съ такимъ относительно-скромнымъ успѣхомъ, С. И. уже при переходѣ съ 1-го курса на 2-й занялъ третье мѣсто въ разрядномъ списокѣ, а при переходѣ со 2-го на 3-й—второе, и окончилъ академію въ 1895 г. вторымъ студентомъ ²⁾.

Будучи студентомъ, С. И., по воспоминаніямъ его однокурсника, нынѣ профессора богословія въ Моск. Сельско-Хозяйственномъ Институтѣ, о. І. А. Артоблевскаго, отличался удивительнымъ научнымъ трудолюбіемъ. „Онъ буквально весь уходилъ въ занятія. И это съ первыхъ шаговъ академической жизни, съ перваго семестра“. Виѣшняя

1) Въ тотъ годъ никто изъ окончившихъ Впаанскую семинарію воспитанниковъ не былъ посланъ въ академію на казенный счетъ. Вѣроятная причина этого обстоятельства заключалась въ томъ, что какъ курсъ С. И., такъ и ближайшіе къ нему по времени являлись опальными въ глазахъ тогдашняго семинарскаго начальства. Въ 1888/9 учебномъ году, когда С. И. былъ въ 4-мъ классѣ, въ семинаріи произошла демонстрація со стороны воспитанниковъ по такому поводу: въ теченіе нѣсколькихъ дней въ супѣ, который подавали семинаристамъ, оказывались черви. Ни экономъ, ни инспекція, которымъ воспитанники заявляли объ этомъ казусѣ, не могла установить его причины. (Впослѣдствіи оказалось, что недоброкачественна была мука, которой заправлялось кушанье семинаристамъ). Въ одинъ прекрасный вечеръ семинаристы стоворились не идти въ столовую. За такую демонстрацію послѣдовали со стороны начальства масовыя и суровыя наказанія (рѣзкое пониженіе всемъ воспитанникамъ балла по поведенію и пр.). С. И. верѣдко вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ изъ своей семинарскаго жизни, въ которомъ вина была не на сторонѣ воспитанниковъ.

2) 1-мъ студентомъ на курсѣ С. И. все время былъ Н. Г. Городецскій, по окончаніи академіи избранный ею на кафедру нравственнаго богословія.

обстановка студенческой жизни С. И. далеко не всегда была благоприятной для научных занятий. На первомъ курсѣ номеръ, „въ которомъ пришлось обитать С. И., — вспоминаетъ І. А. Артоблевскій, — былъ проходнымъ; здѣсь была „большая дорога“ въ чайную изъ другихъ номеровъ. И вотъ мнѣ врѣзалась въ память совершенно ясно такая картина, которую я наблюдалъ два раза въ день, С. И. занималъ за столомъ крайнее къ „большой дорогѣ“ мѣсто. Несмотря на постоянную ходьбу мимо него и шмыганье, онъ совершенно прямо сидитъ на стулѣ часами и, не отвлекаясь, дѣлаетъ свое дѣло, читаетъ, выписываетъ, переписываетъ и проч.“ „Онъ былъ удивительно методиченъ, трудолюбивъ и усидчивъ въ занятіяхъ. Едва ли онъ не былъ самымъ трудолюбивымъ и усидчивымъ изъ всѣхъ нашихъ товарищей“. Мѣткія слова С. И., сказанныя имъ нѣсколько позднѣе, въ его блестящей рѣчи—„біографическомъ очеркѣ“ А. В. Горскаго: „Вѣдь это—предразсудокъ, будто можно что-нибудь сдѣлать въ наукѣ безъ большого труда, одними дарованіями“ (Б. В. 1900, XI, 401), очевидно уже въ ту пору его студенчества были его глубокимъ, жизненнымъ убѣжденіемъ. Это исключительно серьезное отношеніе къ научнымъ занятіямъ равно какъ „постоянная сосредоточенность (съ примѣсью какой-то внутренней грусти)“, являвшаяся „органической чертой въ духовномъ складѣ“ С. И.—ча, никогда не принимавшаго участія въ студенческихъ пирушкахъ, „остававшагося въ такихъ случаяхъ больше молчаливымъ созерцателемъ происходящаго“, могла, по словамъ І. А. Артоблевскаго, производить на людей, мало знавшихъ С. И., впечатлѣніе „какой-то намѣренной отчужденности“ его отъ товарищей, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ это впечатлѣніе совершенно исчезало, и было ясно, что „товарищество онъ любилъ, цѣнилъ и понималъ во всей его наличной данности“.

Изъ академическихъ дисциплинъ С. И. съ наибольшимъ интересомъ относился къ историческимъ наукамъ, и въ особенности къ русской исторіи, представленной въ то время въ академіи двумя крупнѣйшими ея корнями, Е. Е. Голубинскимъ и В. О. Ключевскимъ. Голубинскій, — писалъ впоследствии въ его некрологѣ самъ С. И., — „никогда не

былъ популярнымъ профессоромъ“. „Несмотря на то, что онъ былъ всегда оригиналенъ и самобытенъ, что его лекціи представляли новое слово,.. его аудиторіи не переполняли и даже не наполняли студенты. Голубинскій не владѣлъ даромъ оратора, не говорилъ лекціи, а читалъ по тетрадкѣ, и читалъ не очень искусно. А сверхъ того, и это по моему главное, онъ не отличалъ въ своемъ лицѣ ученаго отъ профессора и аудиторіи отъ читающей его изслѣдованія публики. Онъ читалъ ей ту же критику матеріаловъ, передъ ея глазами производилъ тѣ же разрушительныя операціи надъ свидѣтельствами нашей древности и надъ установившимися въ наукѣ взглядами. Онъ не давалъ въ собственномъ смыслѣ курса, не дѣлалъ широкихъ обобщеній, которыя увлекаютъ молодые умы. Можетъ быть, профессоръ переоцѣнивалъ свою аудиторію, желая пріобщить ее къ своей специальной научной работѣ, можетъ быть, просто не хотѣлъ или не умѣлъ учитывать впечатлѣнія... Но аудиторія, надо сознаться въ этомъ, его не цѣнила: желающихъ его слушать было почти такъ же мало, какъ мало желающихъ серьезно изучать его науку“ (Ж. М. Н. Пр. 1912, май, 24 стр.). Къ числу этихъ немногихъ студентовъ, серьезно занимавшихся русской исторіей, и умѣвшихъ цѣнить научное достоинство лекцій Голубинскаго, несмотря на ихъ непримечательную внѣшность, принадлежалъ С. И., неопустительно посѣщавшій его аудиторію. Завязавшаяся еще на студенческой скамьѣ духовная связь С. И. со знаменитымъ историкомъ русской церкви вполне окрѣпла впоследствии, когда С. И. суждено было стать преемникомъ кафедры Голубинскаго въ академіи, и когда, съ углубленіемъ въ специальныя занятія русской церковной исторіей, передъ нимъ во весь ростъ обрисовалось гигантское значеніе работъ Голубинскаго въ этой области ¹⁾).

¹⁾ Личныя отношенія С. И. къ Е. Е. Голубинскому, который приходился ему и дальнимъ родственникомъ, всегда отличались сердечностью. Особенно часто С. И. посѣщалъ Е. Е. въ послѣдніе годы его жизни, когда тотъ, больной и слѣпой, безвыѣздно и безвыходно доживалъ свои дни въ своемъ домѣ на Переяславской ул. Сергіевскаго посада. С. И. дѣлился съ нимъ новостями научной и академической жизни, и записывалъ со словъ Е. Е. его автобіографическія воспоминанія (Ср. „У Троицы въ Ака-

Какое впечатлѣніе производили на С. И. блестящія, художественныя лекціи другого еще болѣе знаменитаго представителя русской исторической науки въ академіи Ключевского,—и какое научное и морально-воспитательное значеніе онѣ имѣли для него въ ту пору его жизни, объ этомъ свидѣтельствуеетъ онъ самъ: „передъ нашими глазами стройно двигалась русская историческая жизнь, закованная въ стройную систему, одѣтая въ точную, сжатую фразу,—и такъ отъ начала исторіи до конца, отъ жизни Славянъ на Карпатахъ до преобразовательной эпохи въ царствованіе Александра II включительно. Дѣятели нашего прошлаго проходили предъ нами въ рядѣ мастерскихъ характеристикъ. Какъ живые они вставали во всемъ величіи своего историческаго подвига, въ драматизмѣ или комизмѣ своего положенія“. „Завидѣвъ Ключевского на кафедрѣ, мы цѣликомъ отдавались въ его власть“. Онъ „являлся предъ нами не только ученымъ и художникомъ, но и артистомъ, талантливо передающимъ въ чтеніи самыя тонкіе оттѣнки мысли, вливающимъ живое чувство въ каждый образъ“. „Передъ нами стоялъ великій историкъ земли русской,—нашего многострадальнаго народа, умилялъ насъ чарующей силой слова, заставлялъ учиться и думать, помогаль разобраться въ прошломъ, чтобы оцѣнить по достоинству настоящее, и стать къ нему въ надлежащее отношеніе. Уча насъ, какъ студентовъ, исторіи Россіи, В. О. воспитываль въ насъ общественную совѣсть, чувство долга, воспитываль въ насъ гражданъ“¹⁾. Восторженный поклонникъ Ключевского еще на студенческой скамьѣ, С. И. подъ его руководствомъ и на предложенную имъ тему: „Рабство въ древней Руси и отношеніе къ нему Церкви“ написалъ и свое кандидатское сочиненіе, удостоившееся очень лестнаго отзыва со стороны своего, вообще крайне сдержан-

деміи“. М. 1914. Стр. 708—720). Последнее, трогательно описанное С. И.—мъ, свиданіе его со своимъ учителемъ и предшественникомъ по академической кафедрѣ произошло 7 янв. 1912 г., за нѣсколько часовъ до кончины послѣдняго. (Ср. *ib.* 720—1 стр.).

¹⁾ Изъ рѣчей С. И. на академическомъ празднованіи 25-лѣтняго юбилея службы В. О. въ Академіи (27 окт. 1896 г.) и на его погребеніи (15 мая 1911 г.). Ср. некрологъ В. О. Ключевского въ В. В. 1911, май, 11 и 13 стр.).

наго въ оцѣнкѣ студенческихъ работъ рецензента ¹⁾. Вліяніе Ключевского, „ученикомъ“ котораго по преимуществу С. И. началъ свою научно-академическую дѣятельность, въ очень близкихъ отношеніяхъ къ которому онъ затѣмъ всегда стоялъ до самой смерти своего знаменитаго учителя, и къ которому всегда питалъ исключительное, почти благоговѣйное почтеніе, глубоко отразилось на характерѣ всей научно-литературной дѣятельности С. И., и оно именно, по компетентному наблюденію М. М. Богословскаго, представляется наиболѣе опредѣляющимъ его обликъ, какъ ученаго историка ²⁾.

Годъ окончанія С. И.—мъ академическаго курса совпалъ съ выходомъ въ отставку изъ академіи Е. Е. Голубинскаго ³⁾. Академія не задумалась въ выборѣ замѣстителя освобождающейся катедры исторіи русской церкви: въ засѣданіи Совѣта 12—13 іюня 1895 г. въ качествѣ преемника мастиному историку былъ намѣченъ только что окончившій курсъ академіи и оставленный при ней профессорскимъ стипендіатомъ С. И. Смирновъ, которому Совѣтъ академіи и поставилъ въ обязанность использовать свой стипендіатскій годъ для подготовки къ чтенію лекцій по указанной катедрѣ. Представленный С. И.—мъ осенью 1896 г. въ Совѣтъ академіи отчетъ о своихъ занятіяхъ въ теченіе стипендіатскаго года, излагавшій общія положенія, отчасти вполнѣ обработанныхъ имъ, отчасти лишь конспективно-намѣченныхъ лекцій по исторіи т. н. Кіевскаго или до-монгольскаго періода русской церкви,

¹⁾ Содержаніе этого отзыва см. въ ниже печатаемой статьѣ М. М. Богословскаго. Кандидатское сочиненіе С. И., представляющее собою первую строго-научную работу его, остается до сихъ поръ венепечатаннымъ. Отойдя въ теченіе своей дальнѣйшей научно-академической дѣятельности въ сторону иныхъ темъ и интересовъ, С. И. однако никогда не оставлялъ мысли объ его обработкѣ для печати. Намъ лично извѣстно изъ разговоровъ съ С. И. за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, что эта работа его, несмотря на свою двадцатилѣтнюю давность, не представлялась въ его глазахъ утратившею свою научную цѣнность. Думается, что напечатанная и въ настоящемъ, переработанномъ видѣ, она окажется полезнымъ вкладомъ въ нашу историческую науку.

²⁾ См. цит. статью М. М. Богословскаго.

³⁾ Е. Е. Голубинскій былъ уволенъ въ отставку изъ академіи 26 іюля 1895 г., согласно своему прошенію, заслушанному въ Совѣтъ академіи 29 мая того же года.

обнаруживалъ, по авторитетному свидѣтельству разсматривавшаго этотъ отчетъ В. О. Ключевского, „весьма основательную“ подготовку начинающаго профессора „къ чтенію своего перваго академическаго курса“¹⁾. По прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, въ собраніи Совѣта 12 сент. 1896 г.,—одной на тему (по назначенію Совѣта): „О посланіяхъ Артемія, игумена Троицкаго“, и другой на тему (по собственному избранію): „Значеніе Печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества“, С. И. былъ избранъ на кафедру русской церковной исторіи въ званіи и. д. доцента.

Въ 1906 г. онъ становится экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1914 г. получаетъ званіе ординарнаго профессора. Съ 1907 г. преподавательская дѣятельность С. И. выходитъ изъ-за стѣнъ академіи: по рекомендаціи В. О. Ключевского, онъ вступаетъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго университета, по русской церковной исторіи, и, такимъ образомъ, становится, по его выраженію, уже не только „ученикомъ“, но и „ставленникомъ“ Ключевского²⁾. Наконецъ, съ 1912 г. С. И. читаетъ курсъ по своей наукѣ на Московскихъ Высшихъ Женскихъ курсахъ, учрежденныхъ Полторацкой. Лекціи С. И. всегда отличались тѣми же научными достоинствами, какія отмѣчались всѣми рецензентами и въ печатныхъ трудахъ его: обиліемъ оригинальнаго документально-историческаго матеріала, тонкостью анализа историческихъ явленій и памятниковъ, художественной простотой и изяществомъ изложенія. Глубокая эрудиція С. И., въ особенности въ области древне-русской письменности, давала ему возможность быть и превосходнымъ руководителемъ студентовъ въ ихъ практическихъ занятіяхъ по предмету его кафедры.

„Въ жизни ученаго и писателя,—по выраженію В. О. Ключевского—главные біографическіе факты—книги, важнѣйшія событія—мысли“. И въ жизни С. И. научно-литературная дѣятельность его представляетъ собою въ высшей степени

¹⁾ Журналы Совѣта М. Д. А. 1896 г. 380 стр. Тамъ же. на стр. 367—380 напечатанъ и самый отчетъ С. И.

²⁾ С. И. Смирновъ. Исслѣдованіе В. О. Ключевского „Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ“. М. 1913, стр. 3.

значительныя ея страницы, ярко отображающія на себѣ существенныя черты ея духовныхъ интересовъ и содержанія. Рамки нашего очерка не позволяютъ сдѣлать хотя сколько-нибудь полную характеристику этой дѣятельности С. И., оставившаго послѣ себя, несмотря на сравнительную кратковременность своей жизни, немалое и весьма цѣнное научно-литературное наслѣдство. Отмѣтимъ лишь наиболѣе крупныя ея моменты.

Научно-историческіе труды С. И. по своему содержанию и направленію отличаются въ общемъ замѣчательно органическимъ характеромъ. Центральное мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ его работы, посвященныя исторіи и бытовой характеристикѣ института духовничества вообще, и древне-русскаго въ особенности,—работы, которыя по преимуществу создали С. И.—чу почетную извѣстность въ ученомъ мѣрѣ. Вопросъ о древне-русскомъ духовничествѣ, какъ своеобразномъ явленіи тогдашняго церковно-культурнаго быта, „не существующемъ въ нашей современной церковной жизни и почти забытомъ наукою“ (Б. В. 1898, окт. 147 стр.), привлекъ къ себѣ вниманіе С. И. еще на первыхъ порахъ его профессорской дѣятельности. Первымъ литературнымъ произведеніемъ его въ этой области была его статья въ „Бог. Вѣстникѣ“ за 1898 г., вышедшая затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ: „Древне-русскій духовникъ“ (очеркъ). Не задаваясь въ этомъ очеркѣ сложнымъ вопросомъ, „изъ какихъ стороннихъ вліяній и элементовъ институтъ этотъ образовался въ древней Руси“, С. И. ставилъ своей ближайшей задачей „только описать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у насъ существовалъ“ (ib. XI, 148). Въ рамкахъ этой задачи работа была выполнена С. И.—мъ съ замѣчательною обстоятельностью. Умѣло комбинируя извлеченныя по крупницамъ изъ разнообразныхъ по характеру памятниковъ древне-русской жизни и письменности свѣдѣнія о тогдашнихъ духовныхъ отцахъ, С. И. на страницахъ своего очерка нарисовалъ красочную и цѣлостную историческую картину быта и дѣятельности древне-русскихъ духовниковъ, ихъ отношенія къ своей „покаяльной семьѣ“, нравственнаго вліянія на нее, ихъ учительной дѣятельности,—посвятивъ заключительную главу своей статьи спе-

ціальною характеристикъ „Вопрошанія Кирика“, поскільки этотъ любопытнѣйшій памятникъ древне-русской письменности съ наибольшею полнотою „изображаетъ русскаго духовника глубокой древности въ его отношеніяхъ къ епархіальному епископу, въ его нравственно-практическомъ міросозерцаніи, и, наконецъ, въ историческомъ значеніи этого міросозерцанія“ (ib. 118 стр.). Выполненнй С. И.—мъ въ значительной части на основѣ изученія рукописнаго матеріала, снабженнй и нѣсколькими приложеніями, содержащими въ себѣ текстъ нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ, его очеркъ не остался незамѣченнымъ въ исторической наукѣ, какъ трудъ, по полнотѣ собранныхъ авторомъ данныхъ по вопросу о духовникахъ, могущій „служить надежнымъ пособіемъ при специальныхъ изысканіяхъ“ (Ист. Вѣст. 1899, 9, 1008). Намъ лично извѣстно со словъ самого С. И., что очень лестный отзывъ объ его статьѣ сдѣлалъ и В. О. Ключевскій, давшій при этомъ и практическій совѣтъ автору: послѣ нѣкоторой обработки представить свою работу въ качествѣ магистерской диссертациі. С. И. близко принялъ къ сердцу этотъ совѣтъ своего учителя, но выполнилъ его не совсѣмъ точно: обработка обследованной имъ въ своемъ „очеркѣ“ темы приковала къ себѣ его вниманіе болѣе, чѣмъ на 15 лѣтъ и въ результатѣ дала не только магистерскую, но и докторскую диссертацию.

Существеннымъ пробѣломъ въ характеризованномъ „очеркѣ“ С. И., отмѣченнымъ самимъ авторомъ, какъ мы видѣли, являлось опущеніе имъ вопроса объ историческомъ происхожденіи древне-русскаго института духовничества, о взаимоотношеніи въ немъ между самобытно-русскими и сторонними, преимущественно византійскими, элементами и вліяніями. Изученіе древне-русскаго духовенства съ этой стороны и ставило предметъ ближайшихъ научныхъ интересовъ С. И.—ча. въ началѣ 900 гг. Уже тотъ несомнѣнный фактъ, что „древне-русская пискаянная письменность находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческой, а, можетъ быть, отчасти и латинской“, — что древне-русскіе духовники въ своей дисциплинарно-покаянной практикѣ въ огромной степени руководились правилами и статьями византійскаго происхожденія, приво-

диль С. И. къ сознанию, „что научно разобратъся въ древне-русской покаянной письменности возможно только послѣ тщательнаго изученія покаянной письменности греческаго Востока, а можетъ быть даже и латинскаго Запада“¹⁾. Но вліяніе Византіи на древне-русское духовничество сказалось и на бытовой его сторонѣ, и при томъ на очень существенныхъ чертахъ ея, въ особенности на явно-монашескомъ характерѣ духовническаго института. „Въ древней Руси,—пишетъ С. И.,—были духовниками какъ бѣлые священники, такъ и іеромонахи. Но характеръ духовническаго института—явно монашескій, чертами монастырскаго пастырства отличаются взаимныя отношенія духовнаго отца и дѣтей. Почему же это такъ? Откуда такое сильное вліяніе монастыря на институтъ общецерковный? Даже изъ древне-русскихъ памятниковъ я узнаю, что на Востокѣ въ XII в. и позднѣе духовничествомъ занимались исключительно монахи, которые очевидно и сообщили монастырскія черты духовничеству. А при самомъ первоначальномъ ознакомленіи съ духовничествомъ восточнымъ мнѣ встрѣчается удивительный фактъ, что тамъ нѣсколько ранѣе XII в. нерѣдко бывали духовниками простые, не священнаго сана монахи. Объясняютъ это монашескимъ злоупотребленіемъ, но странно то, что въ немъ виноваты не одни заинтересованные монахи, но и епископы, которые, случалось, давали право на духовничество простымъ монахамъ, даже повидимому монахинямъ—игуменьямъ. Значить, здѣсь дѣло не въ обыкновенномъ нарушеніи церковной дисциплины, а въ чемъ то болѣе сложномъ. Указанныя соображенія и недоумѣнія заставили меня заняться исторической судьбой духовничества на Востокѣ съ самаго начала его возникновенія, потому что только такимъ путемъ я считалъ возможнымъ дать надлежащее объясненіе страннымъ явленіямъ въ исторіи интересующаго меня института“ (ib. XV). Ученикъ и преемникъ Голубинскаго, давашаго блестящіе образцы „сравнительнаго изученія“ однородныхъ явленій древне-русской и византійской церков-

¹⁾ С. Смирновъ. Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на востокѣ). Часть I. Сергіевъ посадъ. 1906. XIV—XV стр.

ной жизни, въ частности „такимъ методомъ возстановившаго исторію церковнаго управленія въ кievскій періодъ, — одну изъ лучшихъ главъ своей превосходной Исторіи“ (ib. IX стр.), С. И. для выясненія отѣчннаго вопроса на время превратился изъ историка русской церкви въ византолога, „погрузился въ исторію древней восточной церкви и погрузился глубоко“ (ib.). Результатомъ этого углубленія С. И. въ изученіе византійскихъ корней древне-русскаго духовничества и явилась въ 1906 г. его магистерская диссертация, подъ цитованнымъ выше заглавіемъ, печатавшаяся въ формѣ отдѣльныхъ статей на страницахъ Б. В. въ 1904—6 гг.

Основной тезисъ, какой С. И. раскрываетъ и обосновываетъ въ своей книгѣ—таковъ: тотъ институтъ духовничества, который является типическимъ въ древне-русской жизни, и въ которомъ нравственно-бытовья отношенія между духовникомъ и исповѣдниками обрисовываются какъ отношенія именно „духовнаго отца“ къ своей „покаяльной семьѣ“, стоитъ въ ближайшей генетической связи не съ древнѣйшей сакраментально-канонической формой покаянія предъ епископами и пресвитерами, какъ носителями власти ключей, а съ такъ наз. старческой исповѣдью, которая зародилась и сложилась въ восточныхъ монастыряхъ, независимо отъ сакраментально-канонической организаціи покаянія, развивалась параллельно съ нею, выступила т. с. конкуренткой ея, и въ концѣ концовъ, въ иконоборческую эпоху и позднѣе, на долгое время фактически вытѣснила „исповѣдь бѣлыхъ пресвитеровъ и епископовъ, совершавшуюся ими въ духѣ каноновъ“ (ib. 328 стр.). Это торжество монашеской исповѣди надъ епископско-канонической,—поясняетъ С. И.,—не слѣдуетъ, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, „что въ восточной церкви того времени совершителями покаянія были одни непосвященные монахи, которые вмѣсто церковнаго покаянія, практиковали только старческое, что въ церкви на время фактически прекратилось совершеніе таинства покаянія“, но лишь въ томъ смыслѣ, „что настало такое время, когда совершителями покаянія въ церкви стали монахи, *духовные отцы въ общемъ смыслѣ слова*, т.-е. епископы изъ монаховъ, іеромонахи, и монахи, не имѣющіе священнаго сана. И тѣ, и другіе, и

третьи, создали новую покаянную дисциплину, болѣе близкую къ древней монастырской, чѣмъ къ дисциплинѣ церковныхъ каноновъ“ (ib.).

Характеризованная книга С. И. нашла вполне одобрительную оцѣнку въ отзывахъ ея обоихъ официальныхъ рецензентовъ, проф. Н. А. Заозерскаго и И. Д. Андреева ¹⁾. Послѣ защиты ея въ собраніи Совѣта 8 іюня 1906 г., на которомъ вмѣсто Н. А. Заозерскаго (отсутствовавшего по болѣзни) официальнымъ оппонентомъ выступалъ ректоръ академіи еп. Евдокимъ, С. И. былъ единогласно удостоенъ Совѣтомъ искомой степени.

Магистерская диссертация С. И. составляла лишь 1-ю часть задуманнаго имъ изслѣдованія о „Духовномъ отцѣ въ древней восточной церкви“, и обнимала лишь эпоху вселенскихъ соборовъ. Во 2-й части его авторъ имѣлъ въ виду раскрыть исторію окончательнаго торжества монашества „надъ бѣлой іерархіей и клиромъ въ дѣлѣ исповѣди“,—исторію постепеннаго распространенія новой монашеской организаціи покаянія изъ Константинопольскаго патриархата, гдѣ она, преимущественно въ средѣ студійскаго монашества, впервые вполне сложилась, „по всему православному востоку“, что „произошло уже послѣ торжества православія — послѣ періода вселенскихъ соборовъ“ (ib.). Хотя уже въ магистерской работѣ С. И. есть ссылки на нѣкоторые тезисы и историческія данныя, которыя должны были найти себѣ подробное раскрытіе во 2-й части „Духовнаго отца“ (стр. 98, 161, 201), но автору не суждено было довести свой трудъ до конца. Послѣ изданія 1-го выпуска его, С. И. вернулся къ разработкѣ основной части своей сложной темы,—къ вопросу о древне-русскомъ духовничествѣ, для каковой части обследованіе историческихъ судебъ византійскаго духовничества являлось лишь обширнымъ введеніемъ. Плодомъ вторичныхъ занятій С. И. надъ вопросомъ о древне-русскомъ духовничествѣ была его докторская диссертация подъ заглавіемъ: „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта. Москва, 1913“,—съ приложеніемъ особаго тома: „Матеріалы для

¹⁾ Содержаніе этихъ отрывковъ см. въ цит. ст. М. М. Богословскаго.

исторіи древне-русской покаянной дисциплины". Насколько новая обработка С. И.—мъ этой темы существенно отличалась отъ его раннѣйшаго журнальнаго очерка подъ тѣмъ же заглавіемъ, видно уже изъ формальнаго ихъ сопоставленія: новая работа С. И. какъ по объему превосходила первую по крайней мѣрѣ въ $3\frac{1}{2}$ раза, такъ отличалась отъ нея и значительными особенностями плана, равно какъ заключала въ себѣ цѣлые отдѣлы, заполненные совершенно новымъ матеріаломъ. Если уже прежній „очеркъ“ С. И. давалъ достаточно цѣлостную картину древне-русскаго духовничества съ историко-бытовой его стороны, то въ докторской диссертаци С. И. эта характеристика его выполнена съ исчерпывающей полнотой. Авторъ не оставилъ безъ вниманія, кажется, ни одного памятника, ни одного историческаго свидѣтельства, сколько-нибудь характернаго и цѣннаго для избранной имъ темы, и на основѣ этого кропотливымъ трудомъ собраннаго изъ разнообразныхъ памятниковъ древне-русской письменности громаднаго матеріала далъ почти незатронутому до сихъ поръ въ наукѣ вопросу о древне русскомъ духовничествѣ въ высшей степени яркое историко-критическое освѣщеніе. Громадную научность изслѣдованію С. И. придавали и приложенные къ нему отдѣльной книгой (въ 566 стр.) „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“, заключающіе въ себѣ 48 памятниковъ этого рода (въ 76 текстахъ), образцово изданныхъ авторомъ на основаніи самаго тщательнаго изученія ихъ различныхъ редакцій, съ установкой имѣющихся въ этихъ изводахъ разночтеній, и, наконецъ, снабженныхъ историко-критическими замѣтками автора, изъ которыхъ многія имѣютъ характеръ обширныхъ и цѣлостныхъ научныхъ экскурсовъ.

Ученый трудъ С. И., доставившій автору степень доктора церковной исторіи¹⁾, былъ по достоинству оцѣненъ и въ академіи: Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ онъ былъ удостоенъ преміи м. Макарія въ 500 р., а Академіей Наукъ—Уваровской преміи въ 1500 р.

¹⁾ Оффиціальными рецензентами его въ академіи были проф. М. М. Богословскій и А. И. Алмазовъ. Содержаніе ихъ отзывовъ отмѣчено въ цит. ст. М. М. Богословскаго.

„Больше всего интересуюсь древне-русскимъ религиознымъ и церковнымъ бытомъ“ (Духовный отецъ... X стр.), С. И., кромѣ сейчасъ отмѣченной наиболѣе крупной работы въ этой области, въ различное время своей научно-литературной дѣятельности далъ цѣлый рядъ и болѣе мелкихъ этюдовъ, посвященныхъ характеристикѣ тѣхъ или другихъ явленій древне-русской религиозно-церковной жизни: „Водокрещи. Матеріалы для исторіи крещенскихъ обрядовъ въ древней Руси“ (1900 г.), „Праздникъ Пасхи въ древней Руси“ (1900), „Праздникъ Крещенія Господня въ древней Руси“ (1901), „Какъ говѣли въ древней Руси?“ (1901), „Бабы богомерзкія“ (1909),—древне-русскія чародѣйки и волхвовательницы, и, наконецъ, „Исповѣдь землѣ“,—рѣчь С. И. на актѣ Московской Дух. Акад. 1 окт. 1913 г., посвященная разъясненію „одного страннаго обряда русской древности, существующаго по мѣстамъ и теперь“, въ которомъ тѣсно переплелись два разнородныхъ элемента: „христіанскій—церковный институтъ тайной исповѣди и языческій—олицетвореніе земли, представленіе ея живымъ существомъ, способнымъ внимать покаяннымъ словамъ человѣка и примирить его грѣшную совѣсть“ (Древне-рус. духовн. 257). Довольно незначительныя по объему, эти историко-бытовые этюды С. И. являются своего рода миниатюрами, выполненными рукою опытнаго мастера, глубокаго знатока древне-русской жизни и литературы, умѣющаго извлекать изъ ея сокровищъ любопытныя данныя, и оживлять предъ читателемъ черты давно умершей родной старины. Изъ журнальныхъ статей С. И. такого типа выдѣляется отчасти и по объему, а отчасти и по особенностямъ ея задачи—одна его работа, въ которой объективно-научный интересъ историка органически связанъ и съ злободневно-публицистическимъ его интересомъ: это—статья С. И.: „Какъ служили міру подвижники древней Руси“ (Б. В. 1902 г.), написанная имъ по поводу разгорѣвшейся въ то время на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ полемики по вопросу объ идеалѣ и жизненныхъ задачахъ православнаго монашества¹⁾.

¹⁾ Начало полемики было положено статьей А. В. Круглова въ „Душеполезномъ Читеніи“ (окт. 1902 г.): „На службѣ міру—на службѣ Богу“.

Въ цитованной статьѣ С. И. ставитъ своей „главной задачей“ „навести точную справку по спорнымъ вопросамъ въ исторіи древне-русскаго монашества“, признавая такую постановку дѣла „единственно плодотворной“. Анализъ лѣтописныхъ сказаній и „житій“ знаменитѣйшихъ русскихъ св. иноковъ, подвизавшихся „на пространствѣ отъ XI до половины XVI в.“, приводитъ автора къ тому выводу, что „древне-русскій міръ видѣлъ помощь изъ святыхъ обитателей, отъ преподобныхъ, просіявшихъ въ Русской землѣ, на всѣхъ рѣшительно сторонахъ своей жизни. На религіозно-правственной—въ молитвѣ, учительствѣ, духовничествѣ и миссіонерствѣ подвижниковъ, на социальной и политической—въ печалованіи за осужденныхъ; въ обличеніи насильниковъ и миротворествѣ враждующихъ князей; на экономической—въ монастырской благотворительности разныхъ видовъ. Общежители или пустынножители—русскіе подвижники всѣ несли службу міру, кто какую могъ, то учительнымъ словомъ къ темному народу, то всецароднымъ обличеніемъ

въ которой авторъ проводилъ мысль, что монастыри должны принимать наивозможно дѣятельное участіе въ „службѣ міру“, каковая служба отнюдь „не противорѣчитъ прямой задачѣ ихъ, не исключаетъ ея, ибо служба міру покоится на любви къ ближнему, а любовь — фундаментъ христіанскаго ученія, и, если она обязательна для каждаго христіанна, то тѣмъ болѣе для инока—совершеннѣйшаго христіанна“. Въ частности, какъ на формы служенія монашества міру, авторъ указывалъ на устройство больницъ и богадѣленъ, на уходъ за больными и увѣчными, на содѣйствіе „настоящему христіанскому просвѣщенію“ народа и т. п. Эта мысль А. В. Круглова встрѣтила живой откликъ въ статьѣ архим. Евдокима: „Инокѣ на службѣ ближнимъ“ (Б. В. 1902, ноябрь). Съ рѣзкой оппозиціей противъ взглядовъ Круглова выступилъ архим. Никонъ въ своей статьѣ: „Православный идеалъ монашества“ (Душеп. Чт. 1902, окт.). Тотъ идеалъ дѣятельнаго служенія монашества міру, какой раскрываетъ Кругловъ, по взгляду архим. Никона, есть искаженіе православнаго идеала монашества, сущность котораго составляетъ „исключительно личное спасеніе“, „святой эгоизмъ“, „суть монашескаго дѣланія въ отличіе отъ простой мірской добродѣтели“ заключается въ молитвѣ, а „всякое внѣшнее дѣло для монаха есть только подѣліе“ (ib. 209 стр.). Взглядъ архим. Никона нашелъ полную поддержку у редактора „Душепол. Чт.“ проф. А. И. Введенскаго, который также усмотрѣлъ въ статьѣ Круглова „тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества западнымъ“.

московскаго самодержца, то кускомъ хлѣба умирающему ребенку, оставленному подѣ монастырской стѣной своими голодными родителями, то прокормленіемъ цѣлыхъ тысячъ голодающаго народа, то уходомъ за больными и увѣчными бѣдняками и устройствомъ для нихъ богадѣленъ при монастыряхъ“ (отд. отд. 67 стр.). „Архим. Никонъ,—такъ формулировалъ С. И. свое основное заключеніе по спорному вопросу,—изображаетъ намъ идеальнаго православнаго инока *святымъ эгоистомъ*. Западный монахъ, по его представленію, и въ своихъ идеалахъ и въ гуманитарной дѣятельности— *грѣшный альтруистъ*. А наше сужденіе такое. Истинный *христіанскій подвижникъ*, будь онъ православный или католикъ (въ данномъ случаѣ это безразлично), долженъ быть *святымъ альтруистомъ*. „Рачитель милостыни, кормитель нищихъ, нагимъ одежда, страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище, сиротамъ и вдовицамъ теплый заступникъ, болящимъ въ многѣхъ недузѣхъ врачъ и скорый посѣтитель, печальнымъ утѣшеніе, плачущимъ радость, обидимымъ пособникъ, беспомощнымъ помощникъ, должнымъ искупитель и рабомъ свободитель“—вотъ тотъ *истинный идеаль инка*, какой намъ завѣщала благочестивая русская древность“ (ib. 92).

Оставляя въ сторонѣ обзоръ работъ С. И. научно-біографическаго содержанія (каковы—уже цитованные нами блестящіе очерки-характеристики А. В. Горскаго и Е. Е. Голубинскаго), и критико-библіографическаго характера, отмѣтимъ, въ заключеніе, труды С. И. въ области агіологии, выразившіеся въ изданіи имъ въ 1908 г. житія преп. Давида, Переяславскаго чудотворца, съ обстоятельнымъ историко-критическимъ введеніемъ къ нему, и въ редактированіи С. И.—мъ т. н. „дополнительныхъ книгъ“ къ предпринятому Московскою Синодальной Типографіей изданію „Житій Святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныхъ по руководству Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго“, въ каковыя книги, по плану издателей, должны войти „тѣ житія, которыя не помѣстилъ Ростовскій святитель въ свои Четьи-Минеи, или которыя помѣстилъ въ краткихъ, проложныхъ сказаніяхъ, наконецъ, житія тѣхъ святыхъ, которые подвизались или прославлены Господомъ Богомъ и Церковію уже послѣ кончины святителя

Димитрія“ (Кн. 1. Предисловіе). С. И—мъ проредактирована 1-я книга этого изданія (сент.—дек.), вышедшая въ 1908 г., и 2-я (янв.—апр.) выходящая въ свѣтъ въ ближайшемъ времени, при чемъ нѣкоторыя житія въ нихъ были и составлены имъ самимъ. Задачею этого изданія, руководство которымъ С. И—чу передалъ В. О. Ключескій, являлось—дать такого рода жизнеописанія русскихъ святыхъ, которыя, при наибольшей общедоступности изложенія, удовлетворяли бы и требованіямъ историко-критической науки,—были составлены на основаніи первоисточнаго матеріала, преимущественно „по рукописямъ, находящимся въ разныхъ бібліотекахъ и монастыряхъ нашего отечества“ (ib.) Такимъ именно это изданіе и оказалось подъ умѣлымъ редакторствомъ С. И. „Добросовѣстность (— любимое слово покойнаго въ оцѣнкѣ труда) С. И. въ отношеніи къ взятому имъ на себя дѣлу,—пишетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ С. И. по упомянутому изданію, справщикъ Синодальной типографіи Б. Г. Гречевъ,—была изумительна. При редактированіи житій онъ самъ продѣлывалъ весь трудъ ихъ составителей, тщательно знакомился съ указываемыми послѣдними источниками и пособіями, и когда нужно, дѣлалъ добавленія по цѣлымъ страницамъ. Нѣкоторыя житія имъ были буквально переработаны вновь. Житія снабжены множествомъ пояснительныхъ примѣчаній; эти коротенькія замѣточки брали много труда и могли быть выполнены только человѣкомъ широкой эрудиціи. Въ отношеніи къ сотрудникамъ С. И. былъ весь предупредительность: отыскивалъ нужную редакцію рукописи, указывалъ пособія,—мало того,—самъ возилъ книги изъ академической бібліотеки, чтобы дать возможность работать сотруднику дома“.

Собственно научный анализъ литературныхъ трудовъ С. И. не входитъ въ нашу задачу: компетентная оцѣнка ихъ уже и сдѣлана была въ свое время официальными и неофициальными рецензентами его работъ и будетъ еще дана тѣми специалистами въ области русской и византійской исторіи, которымъ приходилось и придется работать по вопросамъ, соприкасающимся съ темами научнаго творчества С. И. Но нельзя на этихъ страницахъ, посвященныхъ памяти почив-

шаго профессора нашей академіи, не отмѣтить его общаго жизненно-моральнаго отношенія къ „научнымъ завѣтамъ“ нашей школы, какъ онъ самъ ихъ понималъ и исповѣдовалъ. „Завѣты старой академіи, которые и сдѣлали ее славной,—говорилъ С. И.,—завѣты эти можно выразить такъ: наукѣ должно служить самоотверженно и безкорыстно; наука не должна служить для постороннихъ ей цѣлей“¹⁾. С. И. исповѣдалъ эти завѣты не только устами, но и дѣломъ. Его отношеніе къ наукѣ было глубоко проникнуто идеалистическимъ характеромъ. На его работахъ лежитъ печать той „добросовѣстности“, сказывающейся и въ полнотѣ обследованныхъ матеріаловъ трактующихъ темъ, и во вдумчивости ихъ анализа, и въ тщательной отдѣлкѣ изложенія,—которая имѣетъ своимъ источникомъ искреннюю любовь историка къ своей наукѣ и къ объективно-научной истинѣ. Если въ его трудахъ и найдутся положенія спорныя, которыя, можетъ быть, не устоять передъ строго-научной критикой, то едва ли и самый придирчивый рецензентъ можетъ предъявить къ нему хотя малѣйшій упрекъ въ какой либо научной неряшливости или въ небезкорыстной поспѣшности опубликованія своихъ трудовъ. Такъ же не обинуясь должно сказать о вѣрности покойнаго профессора и другому изъ отмѣченныхъ имъ академическихъ завѣтовъ. Будучи по преимуществу историкомъ церковнаго быта, С. И., однако, не мало оперировалъ и надъ вопросами, имѣющими извѣстное принципиально-богословское значеніе. Таковъ, напр., затронутый имъ въ своей магистерской диссертациі вопросъ о сакраментальномъ значеніи старческой исповѣди въ древне-восточныхъ монастыряхъ. Не входя въ оцѣнку сдѣланныхъ авторомъ историко-богословскихъ наблюденій и выводовъ, должно сказать, что страницы въ книгѣ С. И., посвященныя этому вопросу, производятъ подкупающее впечатлѣніе полной откровенностію и ясностію его тезисовъ. Съ авторомъ можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя упрекнуть его въ какомъ либо замалчиваніи выводовъ, къ ка-

¹⁾ Изъ рѣчи С. И. при погребеніи проф. А. П. Голубцова (Б. В. 1911, июль—авг. 37 стр.).

кимъ привело его изученіе соответствующихъ источниковъ, въ какой либо приспособляемости его историко-богословской мысли. Въ этомъ отношеніи С. И. былъ прямымъ ученикомъ своего славнаго предшественника по академической кафедрѣ, „представлявшаго только одну форму отношенія къ наукѣ, форму безусловной правдивости и полной откровенности“ (Ж. М. Н. П. 1912, май, 41).

Добросовѣстный и правдолюбивый историкъ С. И., и какъ человѣкъ, отличался удивительной прямою, составлявшей наиболѣе характерную черту его личности. Эта черта ярко сказывалась и въ отношеніяхъ его къ тѣмъ или другимъ явленіямъ общественной и академической жизни, и въ быденныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ людямъ. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые, выработавъ себѣ опредѣленные принципы и убѣжденія, остаются вѣрными имъ навсегда. Лица, хотя сколько нибудь близко знавшіе С. И., могли, не рискуя ошибиться, заранѣе предугадывать его мнѣніе по тѣмъ или другимъ злободневнымъ вопросамъ, каковыя мнѣнія онъ всегда и высказывалъ съ полной прямолинейностью. По внѣшности обыкновенно очень серьезный даже нѣсколько замкнутый, С. И. на самомъ дѣлѣ былъ замѣчательно сердечной натурой, съ отгѣнкомъ какой то даже женственной мягкости, образцовымъ семьяниномъ¹⁾, прекраснымъ сослуживцемъ, искренно добрымъ и отзывчивымъ на всякое горе ближняго человѣкомъ. Въ его лицѣ академическая корпорація лишилась не только крупной научной силы, но и въ высшей степени симпатичнаго по своимъ моральнымъ качествамъ сочлена, утрата котораго, несомнѣнно, искренней скорбью отозвалась среди бывшихъ его сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ.

¹⁾ Въ семействѣ С. И., кромѣ его супруги Вѣры Мих., остались четыре сына и одна дочь, въ возрастѣ отъ 14 до 6 лѣтъ.

Смерть С. И. была въ огромной степени неожиданностью даже для лицъ, близко стоявшихъ къ покойному. Не отличаясь очень крѣпкимъ здоровьемъ, особенно съ 1903 г., когда онъ перенесъ очень тяжелую форму желудочной болѣзни, едва не сведшей его въ могилу, вынудившей его даже на цѣлый годъ прекратить всякую научно-преподавательскую дѣятельность и оставившей навсегда слѣды въ его организмѣ, С. И. если за послѣдніе годы и казался видимо переутомившимся, то во всякомъ случаѣ не производилъ впечатлѣнія безнадежно-больного человѣка, отличаясь до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни незаурядной трудоспособностью. Въ теченіе всего 1915/16 уч. года С. И. исполнялъ свои профессорскія обязанности, какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ и на курсахъ, съ полной исправностью, равно какъ участвовалъ и на переводныхъ экзаменахъ, и даже на послѣднемъ въ истекшемъ учебномъ году Собраніи Совѣта (12 мая) читалъ свой обстоятельный отзывъ о докторской диссертациі Н. И. Серебрянскаго. Первые зловѣщіе симптомы роковой болѣзни С. И. стали проявляться ранней весной текущаго года—въ рѣзкомъ упадкѣ его силъ и иногда даже въ обморочныхъ состояніяхъ. Знаменитый московскій діагностъ, проф. Шервинскій, къ которому С. И. въ мартѣ обратился за врачебнымъ совѣтомъ, порекомендовалъ больному лишь возможно полный отдыхъ отъ всякихъ научныхъ занятій, не назначивъ сложнаго лѣченія, но родственникамъ С. И.-ча высказалъ, что анализъ его крови и желудочнаго сока заставляеть его предполагать у С. И. или ракъ желудка или злокачественное малокровіе (анаемія пернитіоза), при чемъ какъ та, такъ и другая форма болѣзни должна быстро повести къ роковой развязкѣ. Произведенное нѣсколько позднѣе изслѣдованіе больного рентгеновскими лучами также не привело къ полному уясненію его болѣзни.

По окончаніи учебнаго года С. И. переѣхалъ на дачу, недалеко отъ Посада. Здѣсь упадокъ его силъ, не сопровождаемый никакими болями, прогрессировалъ почти съ каждымъ днемъ. Рѣшено было помѣстить его въ университетскую клинику. При этомъ переѣздѣ въ Москву (16 іюня) онъ былъ

уже на столько слабъ, что изъ вагона до экипажа его пришлось нести на носилкахъ. Несмотря на въ высшей степени внимательный уходъ, какимъ С. И. былъ окруженъ въ клиникѣ, болѣзнь не поддавалась никакому лѣченію, и лишь одно время, у нѣкоторыхъ врачей, лѣчившихъ его, мелькнула надежда на возможность улучшения въ состояніи больного. Однако эта надежда скоро оказалась обманчивой: 4-го іюля, въ 1 ч. дня С. И., въ теченіе своей предсмертной болѣзни дважды съ глубокимъ благоговѣніемъ исповѣдовавшійся и приобщившійся Св. Таинъ, тихо и безболѣзненно скончался.

По кончинѣ С. И.-ча, въ клинической часовнѣ, куда было перенесено его тѣло, служились панихиды, на которыхъ присутствовали знакомые и сослуживцы покойнаго по академіи, университету и женскимъ курсамъ. 6-го іюля тѣло С. И. было перевезено въ Сергіевскій посадъ и перенесено въ академическую церковь. Заупокойная литургія и отпѣваніе тѣла покойнаго 7 іюля были совершены временно исправлявшимъ въ теченіе каникулъ обязанности ректора академіи инспекторомъ ея архимандритомъ Иларіономъ, въ сослуженіи академическаго духовенства, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ членовъ академической корпораціи и студентовъ, которые проводили лѣтніе каникулы въ Посадѣ и ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ. На его гробъ были возложены вѣнки отъ Академіи, Московской Синодальной типографіи и Высшихъ Женскихъ курсовъ Полторацкой. Тѣло С. И. погребено на академическомъ кладбищѣ, не вдалекѣ отъ могилъ знаменитѣйшихъ представителей русской церковно-исторической науки въ нашей академіи—А. В. Горскаго, С. К. Смирнова и Е. Е. Голубинскаго, чьимъ научнымъ завѣтамъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей такъ преждевременно, и такъ неожиданно оборвавшейся плодотворной научно-академической дѣятельности.

А. О.